

Дж. Б. ПРИСТЛИ: «Я ЗА СИЛЬНЫХ ДУХОМ ЛЮДЕЙ»

Мы были рады видеть Джона Бойнтона Пристли в редакции «Литературной газеты». Советские читатели знают и любят его книги — романы английского писателя, многие его статьи переведены на русский язык, пьесы ставятся в наших театрах. Писатель по секрету (мы надеемся, что он не рассердится за то, что мы раскрываем его маленькую тайну) сказал нам, что в сентябре ему исполнится семьдесят лет. Но он так удивительно молоджав и бодр, полон энергии и творческих планов, что в это трудно поверить.

— Я ЛЮБЛЮ Москву при свете солнца, — начал Дж. Б. Пристли свою беседу с корреспондентом «Литературной газеты» А. Бельской. — Она мне показалась счастливой и радостной. Что я думаю о наметившемся улучшении отношений между нашими двумя странами? По-моему, сейчас очень благоприятная пора. Конечно, надо отдавать себе отчет в том, что есть немало трудностей на пути к расширению англо-советских контактов, к укреплению культурных связей. Но все они преодолимы. Мне как писателю кажется особенно важным расширение обмена книгами, более глубокое и широкое взаимное ознакомление с современной литературой. Надо, чтобы как можно больше талантливых книг советских писателей издавалось в Англии. Может быть, английские издатели не всегда достаточно осведомлены? То же относится и к изданию английских современных книг в Советском Союзе.

Надо учитывать, что читательские интересы в двух наших столь разных странах не всегда совпадают. В этом — сложность. Но в то же время у нас есть и сходные литературные проблемы. До сих пор и в вашей стране, как и на Западе, много пишут о прошлых войнах. Понятно, что память о страшном испытании жива в сердцах людей. Но мне думается, что самое важное — современность, сегодняшний день, от этого нельзя уходить. Я по своей природе человек очень нетерпеливый, не умею останавливаться на прошлом, мне хочется идти вперед.

Мы попросили гостя поделиться своими творческими планами.

— Прежде чем сказать о своих новых работах, я хочу назвать те свои последние книги, которые мне дороже всего. Это — роман «Ясный день» и недавно законченная автобиографическая книга. Сейчас я завершаю комедийную повесть «Сэр Майкл и сэр Джордж». У нас есть рыцарский орден, которым награждают до сих пор, — Сейнт Майкл и Сейнт Джордж (признаюсь, это мне кажется смешным, и я несколько лет назад отказался от такой чести). Так вот, в повести сэр Майкл и сэр Джордж — два спорящих чиновника из Британского совета искусства. В книге много комедийных ситуаций, и я надеюсь, что она понравится читателям. Осенью я думаю дописать очень сложную книгу «Человек и время»; это не роман, а своего рода научное публицистическое исследование, затрагивающее сложные проблемы отношений человека и времени, философские концепции, в моменты нерешенные и нераскрытые тайны природы, такие, как телепатия, сны и многое другое. Прежде чем взяться за эту работу, я обратился через посредство телевидения ко многим англичанам с просьбой поделиться интересными наблюдениями. Я получил в ответ на свою

просьбу тысячи писем, проанализировал и думаю, что книга получится. Кроме того, с Айрис Мэрдок мы инсценировали ее фантастическую повесть «Отрубленная голова».

Затем наш гость поделился своими мыслями о модернистских течениях в западной литературе, о так называемом «новом театре».

— Я уверен, что подобного рода авангардизм убивает театр. Наверное, потому, что в Англии ставится немало таких пьес, люди предпочитают не ходить в театр, а сидят дома у телевизоров или в лучшем случае идут в кино. И это неудивительно: такие пьесы не дают ничего ни уму, ни сердцу — ни отдыха, ни развлечения, ни повода для раздумий. До сих пор живы творения Шекспира, Мольера, Стриндберга, Чехова; вы с неослабевающим вниманием следите за происходящим на сцене, платаете и смеетесь вместе с актерами. А то, что называют «современным театром», лишено всего этого. К тому же меня отталкивает от этого течения в драматургии ее глубокий пессимизм. Если бы я воспринимал жизнь такой, как ее видит, скажем, Сэмюэль Беккет, то я не стал бы писать пьесы, а покончил жизнь самоубийством. Не подумайте, что я за бездумный ура-оптимизм, но если бы мне пришлось выбирать, то я все же выбрал бы такой оптимизм, а не черный пессимизм и нигилизм. У авторов литературы отрицания есть излюбленная, я бы сказал, навязчивая мысль: люди не могут понять друг друга, они потеряли способность общаться. Но если писатель не верит в возможность общения с людьми, со своими читате-



Фото М. Трахмана

лями, как он смеет писать? Я не люблю это слово, но тут оно самое точное: такая литература и драматургия — декаданс.

Конечно, театр должен искать новое. Когда я работал в театре, меня даже обвиняли, что я слишком много экспериментирую, но при любом поиске надо помнить: пьеса должна иметь центр, своего рода стальной стержень, на котором держится все действие. Авангардистский театр не считается с законами драматургии. Это, в сочетании с черным, мрачным пессимизмом, отпугивает людей. Чего ради платить деньги, смотреть пьесу, из которой ты узнаешь лишь одно: жизнь бессмысленна, жить не стоит?

Дж. Б. Пристли считает, что проза послевоенных лет отличается на Западе высоким профессиональным уровнем. Но все же за это время не появилось великих произведений.

— Мне кажется, что многие из этих книг слишком ограничены по времени и действию. Авторы пишут об одном классе, о людях одного круга. В нашей стране счастливое исключение составляют Энгус Уилсон, Чарльз Сноу. Некоторые молодые писатели подчас критикуют общество, в котором живут, но при этом все же остаются где-то в стороне. Я против такой тенденции. Если тебе не нравится то или иное в существующем положении вещей, то критикуй его, борись против пороков. А то герои книг — скорее антигерои, они слабы, беспомощны, я бы сказал, не мужчины. Как это ни парадоксально, во многих книгах английских писателей гораздо более сильными предстают женщины. А я за сильных духом людей... — заканчивает свою беседу Пристли.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Г. МОСКВА

16 ИЮН 1964